

Wass.

Крест.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНРИ БАРБЮС
(1874 — 1935)

АКАДЕМИЯ
Москва — Ленинград

11 26.11.

АНРИ БАРБЮС

В О Г Н Е

Предисловие М. Горького

ACADEMIA
1935

*Супр-обложа, переклад,
францезно, руски,
српски и хрватски
А. А. Дайска*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, простой и беспоощадо правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и бесцельного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая до тла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засорённой осколками железа и отравленной гнилым мясом бездально убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самонстребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всем, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся богу, молятся искренно и, как описывает это один из героев книги, молятся „ниоткуда одинаково“, после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же „ниоткуда одинаково“. На стр. 437—438 читатель най-

дет эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренно верующих, что в кровавом и подлом деле войны „с нами бог“.

И они же затем говорят: „богу — наплевать на нас!“ И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

— „Но, все-таки, как же он смеет, этот бог, позволять всем людям одинаково думать, что он — с нами, а не с другими?“

Мысля трогательно, просто, как дети, — в общем же „идеятеки одинаково“, — эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

— „Если бы существовал бог, добрый и милосердный, — холода не было бы!“

Но, рассуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем?
Почему?

Они и это знают, — они сами говорят о себе: — „Ах, все мы не плохие люди, но — такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!“

И создавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капитан Бертрам знает больше других, он говорит языком мудреца.

— „Будущее! — воскликнул он вдруг тоном пророка. — Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами,

совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелии, или же с подвигами ашайей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впитывая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— „Ибликхт!“

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

— Будущее! Будущее! Дело будущего — заглядывать это настоящее, стереть его из памяти людей, как нечто отрицательное и позорное.

И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славы, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей

поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей! Да, позор! Это правда, но это — слишком правда; правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее начертает среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы еще далеки от этого.

Теперь, в данный момент, эта правда почти заблуждение; это священное слово только богоухальство!

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

— Как-то раз я сказал им, что верю в про-
рочества, только для того, чтобы приободить
их и заставить идти вперед.

Но, говоря так, спокойный, мужественный че-
ловек, уважаемый всеми людьми своего звзда,
ведет их на бессмысленную бойню и умирает
на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всем этом ярко и насмешливо горит убий-
ственное противоречие, унижающее человека
до степени безвольного инструмента, до какой-то
отвратительной машины, созданной злой и тем-
ной силой на служение ее дьявольским целям.

И блужки, и милы душе эти несчастные герои,
но, повстие, они кажутся прокаженными, нося-
щими в себе самих навеки непримиримое про-
тиворечие разума и воли. Кажется, что разум
их уже настолько окреп и силен, что в состоя-
нии остановить эту отвратительную бойню, пре-
кратить мировое преступление, но... воли нет
у них, и, лишая всю гадость убийства, отрицая
его в душе, они все-таки идут убивать, раз-
рушать и умирать в крови и грязи.

— Битвы производятся нашими руками,—
говорят они.— Мы служим материалом для
войны. Она состоит вся только из илота и
душ простых солдат. Это мы нагромождаем
трупы на равнинах и наполняем реки кровью,
все мы, хотя каждый из нас невидим и молча-
лив, ибо слишком велико наше число. Опу-
стившие города, разоренные села и деревни—
это пустыня, лишившиеся нас или оставшиеся
после нас. Да, все это мы—и только мы!

— Да, это правда. Война—это народы. Без

них не было бы ничего, кроме разве пере-
бранки издалека. Но войну решают не они,
а те, которые правят.

— Народы борются теперь, чтобы изба-
виться от этих правителей. Эта война не что
иное, как продолжающаяся Французская рево-
люция.

— В таком случае выходит, что мы рабо-
таем также и для пруссаков?

— Будем надеяться, что и для них,— согла-
сился один из страдальцев.

— Народы—это ничто, а они должны быть
всем,—проговорил в этот момент человек, во-
прошающе глядевший на меня; он повторил
неведомую для него историческую фразу, кото-
рой уже больше века, но придат ей, наконец,
ее великий всемирный смысл.

И этот несчастный, стоя на четвереньках
в грязи, поднял свое лицо прокаженного и
жадно заглянул вперед, в бесконечность.
Что он увидит там?

Мы верим, что он увидит своих потомков сло-
бодными, разумными и сильными волей.

Эту страшную и радостную книгу написал
Анри Барбюс, человек, лично переживший весь
ужас войны, все ее безумие. Это не парадная
книга гениального Льва Толстого, гений кото-
рого созерцал войну в далеком прошлом; это не
жалобное сочинение Берты Сутнер „Долой
войну“,—сочинение, написанное с добрым на-
мерением, но неспособное ничего и ни в чем
ни убедить, ни разубедить.

Это — книга простая, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с необоримой силой правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем неповинных людей, неповинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат — книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обреченных на смерть, и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, это он главный герой книги Барбюса. Ослепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах все, созданное трудом многих столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лице-

мерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем довятся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утвердить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

М. Горький

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками — в помощь своим братьям по жиру и духу — войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослух.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным

Это — книга простая, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с необоримою силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем неповинных людей, неповинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат — книга Барбюса насыщена суровой позней правдой, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обреченных на смерть, и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неотумо действующий среди нас, это он главный герой книги Барбюса. Ослепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивавших волю, отравив их ядом жадности, зависти, своеволия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах все, созданное трудом многих столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лице-

мерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем доуется войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, по всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

М. Горький

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками — в помощь своим братьям по жиру и духу — войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослух.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным

трудом превратил обширную безграмотную страну полунищих крестьян и полудикай жадной мелкой буржуазии — в мощный социалистический братский союз народов.

Ныне капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой — нападение на Союз Социалистических Советов. Для того, чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумевшая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против государства социалистического. План простой и легкий, этот план и заставил меня вспомнить об осле.

Позорнейшая роль ослов в войне 14—18 гг. характеризуется, как известно, — поведением вождей немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эс-эров и многих прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты 15 лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и других — сродных ему по духу — литераторов особенно хорошо и ясно видна именно с этой выше намеченной точки зрения. Его книга — одна из первых, которые за 15 лет отрезали многие тысячи голов, омыленных кровью, и антифашистское движение, все более широко растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первых своих основоположников.

11 сентября 1935 г.

М. Горький

ПАРИЖ. „ЮМАНТЕ“.
КАШЕНУ, ТОРЕЗУ, КУТЮРЬЕ

Копия Москва „Правда“

Скорблю вместе с вами по случаю кончины нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глашатая единого фронта трудящихся против империалистской войны и фашизма, — товарища Анри БАРБЮСА.

Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства.

И. СТАЛИН

[„Правда“ 3 сентября 1935 г.]